

2. Bekoyev, V. *O zhanrovoy prirode istoriko-geroicheskikh pesen osetin* (On the nature of the genre of historical and heroic songs of the Ossetians), *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*, 2008, no. 4 (29), pp. 99–102.
3. Viskovaty, P. *Zhizn i tvorchestvo M. Yu. Lermontova* (Life and creative work of Mikhail Lermontov), Sosnina, Ye. L., Ed., Moscow: Geliol ARV, 2004.
4. Lermontov, M. *Sochineniya v dvukh tomakh* (Works in two volumes), 2 vols., Vol. 1, Moscow: Pravda, 1988.
5. Lossky, N. *Kharakter russkogo naroda* (Russian People's Character), Moscow: Kliuch, 1990.
6. Munayev, I. and Akhmadov, M. *O chechenskom pesennom folklоре* (On Chechen song folklore) // In: *Chechenskaya narodnaya poeziya v zapisiakh XIX–XX vv.*: Illi, Uzamy (Chechen folk poetry in the records of the 19th–20th centuries: Illi, Uzamy), Moscow: Novy klyuch, 2005, pp. 7–32.
7. *O Chernom Nogae* (On Black Nogai) // In: *Chechenskaya narodnaya poeziya v zapisiakh XIX–XX vv.*: Illi, Uzamy (Chechen folk poetry in the records of the 19th–20th centuries: Illi, Uzamy), Moscow: Novy klyuch, 2005, pp. 54–70.
8. Stepanov, Yu. *Konstanty: Slovar russkoy kultury* (Constants: Thesaurus of Russian Culture), Moscow: Akademicheskyy proyekt, 2004.
9. Tatarinov, A. *Dionis i dekadans: Poetika depressivnogo soznaniya* (Dionysus and decadence: Poetics of depressive consciousness), Krasnodar: Kuban. gos. univ., 2010.
10. Etkind, Ye. *Pushkinskaya poetika strannogo: poiski novoy vyrazitelnosti i tsikl "Podrazhaniya Koranu"* (Pushkin's poetics of the strange phenomena: searching for a new expression and the cycle "Imitations of the Quran") // In: *Koran i Bibliya v tvorchestve A. S. Pushkina* (Quran and Bible in the works by Alexander Pushkin), Segal, D., Shvartsband, S. and Bobyshev, D., Eds., Jerusalem, 2000, pp. 45–64.

Дж. П. Кошубаев¹

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ И КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

В статье рассматривается один из самых острых вопросов лермонтоведения: каким могло быть отношение самого поэта к Кавказской войне? Проанализированы различные мнения и оценки, приводятся свидетельства участников войны, показано, как менялось отношение к ней Лермонтова.

¹ КОШУБАЕВ Джамбулат Пшимафович – заведующий отделом по выпуску литературы на русском языке издательства «Эльбрус», Нальчик, Россия. Электронная почта: elbrus_book@mail.ru.

Ключевые слова: лермонтоведение, Кавказская война, национальное самосознание, исторический прототип, эволюция взглядов, гуманизм, моральная оценка.

1

В романе Дины Дамиан «В вашем мире я – прохожий...» глава «Экскурсия» посвящена поездке школьников в Пятигорск. В автобусе между ними возникает дискуссия.

Заур отложил книжку и обвел притихших детей своим тяжелым пристальным взглядом:

– Таким образом, Лермонтов мог вполне убить моего прапрадеда, который участвовал в этом сражении при Валерике в июле 1840 года. А чуть позднее ваш Лермонтов был и в составе штрафбата того времени, он руководил отрядом конных «охотников», куда входили разжалованные офицеры, казаки и кабардинцы. Всем им было нечего терять и хотелось заслужить или вернуть доверие Российской Империи любой ценой. И Лермонтов был всего лишь одним из них, храбрым офицером, убивавшим «хищников». Да-да, это ведь сейчас вы нас называете «черными», «хасбатами», «нартухами», а тогда вы называли нас «хищниками». Я понимаю, конечно, у Лермонтова была своя история взаимоотношений с властями, с царем, но его отношение к нам никак нельзя назвать последовательным. То он сражался в первых рядах, зарабатывая возможность вернуться в Россию, то прикидывался больным и немоощным и норовил поправить здоровье на водах вместо того, чтобы отправиться к месту службы. То он был на стороне империи, то представлял себя горцем, отстаивающим свою независимость.

Пока Заур говорил, Динка думала, что в чем-то он прав, но вместе с тем совершенно не понимает Лермонтова. Он ведь намеренно не хотел занимать ничьей позиции, ни горской, ни имперской, обе были для него тупиковыми.

В мозгу у нее стучали строки: «И с грустью тайной и сердечной», – а Заур, вот ведь как он все повернул. – «Я думал: “Жалкий человек...”» – словно забыл другие строки из «Валерика»: «Чего он хочет!.. небо ясно», – но строки-то эти там есть, и они важнее, – «Под небом места много всем, но беспрестанно и напрасно один враждует он – зачем?» [1, с. 42–43].

Последовательного отношения от Лермонтова ждет не только герой романа Д. Дамиан. Это волновало и самих горцев.

Карачаевский просветитель Ислам Карачайлы (1896–1938) писал:

За время сознательной жизни у нас не один раз возникал вопрос: почему Лермонтов, автор «Измаил-Бей», писавший о своем «врожденном чувстве защищать всякого невинно осужденного», как никто понявший трагедию горцев, был не на стороне невинно осужденных, невинно обреченных на истребление горцев, борющихся за свою свободу, а принадлежал к другому лагерю, который им, горцам, нес разорение и гибель, и в лучшем случае – цепи рабства, чуждые им законы и порядки? [2, с. 227].

Человек такого ума, таких дарований, такой воли, как Лермонтов, рос и развивался не по дням, а по часам. Несомненно, он докопался бы до правды, до ее полного осознания и усвоения и сделал бы свои выводы [2, с. 227].

Автор с детской наивностью оставляет Лермонтову шанс все понять и осознать. Анализируя поэму «Измаил-Бей», он пишет:

Лермонтов не только говорит о закономерности ненависти горцев к русским в тот период их истории, он устами того же героя ставит вопрос, волновавший, несомненно, самого поэта, обращенный к русскому офицеру, жениху обольщенной им девушки:

*Ты молод, вижу я! за славой
Привыкнув гнаться, ты забыл,
Что славы нет в войне кровавой
С необразованной толпой!
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бедны мы и волю
И степь свою не отдадим
За злато роскоши нарядной;
За то, что мы боготворим,
Что презираете вы холодно!*

*Зачем ты нас возненавидел,
Какою грубостью своей
Простой народ тебя обидел?*

Вопрос поставлен ребром. Но Измаил-Бей получает на него лишь уклончивый, ничего не обозначающий ответ:

*Ты ошибаешься, черкес! –
С улыбкой русский отвечает.*

«Почему с улыбкой»? Ничего смешного как будто. Только люди, прижатые к стенке, которые в свое оправдание ничего не могут сказать, только они улыбаются в такой момент. А вот посмотрите, если это не так:

*Поверь: меня, как вас, пленяет
И водопад, и темный лес;
С восторгом ваши льды я вижу,
Встречая пышную зарю,
И ваше племя я люблю:
Но одного я ненавижу!*

Здесь есть все: водопад, заря, ледники и т. д., но нет ответа на волнующий вопрос, который, конечно, только горец мог задать. Удивительно, что Лермонтов эти-то вопросы задавал, но ответов настойчиво на них не добивался. А если бы он, русский офицер, русский дворянин и помещик Лермонтов, стал бы упорно добиваться ответа на них, то мог бы быть только один ответ:

– Русские «возненавидели» горцев ни за что, или – ягненок виноват тем, что волку хочется его съесть.

А раз «ни за что», то от этого до измены русскому «национальному делу», до перехода на сторону противника – лишь один шаг [2; 187, 188].

Ислам Карачайлы – удивительная фигура! Он удивителен и замечателен своей общекавказской памятью о жестокой войне. Именно у карачаевцев абадзехи, шапсуги, убыхи, непокорные кабардинцы, ставшие впоследствии черкесами, находили поддержку оружием, порохом, продовольствием и очагом. Он

первый, кто прочитал произведения Лермонтова как горец, с позиции всех горцев, для которых война стала катастрофой.

Перечитывая его статьи, удивляешься тому, что на рубеже XIX–XX веков существовало единое северокавказское поле культуры, – то, что сегодня, при наличии интернета, телевидения и прочих СМИ, практически отсутствует. Рост национального самосознания, если говорить по С. Липкину, пошел в сторону самосознания крови, а не самосознания культуры.

3

Роман Е. Хамар-Добанова (Е. П. Лачиновой) «Проделки на Кавказе» был напечатан тиражом 1200 экземпляров, 906 из них изъяла цензура. Роман был признан военным министром вредным – в нем «что строчка, то правда» – и изъят из продажи, а за автором установлен полицейский надзор. В беседе с князем Чернышевым, тем самым военным министром, император указал ему: «Мы ничего не знаем о Кавказе, а эта дама открывает нам глаза!»

Приведем два отрывка из романа. В первом – будничная картина войны, а во втором – ее оценка.

Старуха навьючила на спину труп внучки и потянулася к родному аулу; но недалеко отошла она: бремя было не по ее силам; она села отдыхать, горько рыдая над мертвым телом. Вдруг раздался поблизости ружейный выстрел, смотрю – старуха медленно валится. Я послал посмотреть, что с нею случилось: она была убита пулей в голову. Тут близко стояли солдаты возле своих ружейных козел, и один из них, молодой человек, вытирал ружье. «Ты убил эту женщину?» – спросил я. «Не могу знать, ваше благородие», – отвечал солдат. «Как тебе не стыдно стрелять по старухе?» Он отвечал: «Вино-ват! Неумышленно! – затравки отсырели, ваше благородие! Давеча ружье все осекалось! Что вам их жалеть – ведь они народят проклятых черкесов!» Все солдаты громко захохотали, прибавляя: «Правда, брат, твоя! Да еще сами дерутся чем попало, готовы отправить христианина на тот свет!» [3, с. 164].

– Вот видите, полковник! Не правда ли моя? Воля ваша, я люблю их дикую честность! Возьмите черкеса, разберите

его как человека – что это за семьянин! Как набожен! Он не знает отступничества, несмотря на тяжкие обряды своей веры. Как он трезв, целомудрен, скромен в своих потребностях и желаниях, как верен в дружбе, как почтителен к духовенству, к старикам и родителям! О храбрости нечего и говорить – она слишком известна. Как слепо он повинуется обрядам старины, заменяющим у них законы! Когда же дело общественное призовет его к ополчению, с какою готовностью покидает он все, забывает вражду, личности, даже месть и кровомщение! Черкесов укоряют в невежестве; но взгляните на их садоводство, ремесла в тех местах, где наша образованность не накладывала просвещенной руки своей, и вы согласитесь со мною, что они не такие звери, какими привыкли мы их почитать.

– Все так, Александр Петрович! Но зачем же не внемлют они призыву нашего милостивого правительства?

– Я вам, полковник, сейчас определю все – что, как и для чего делается: оставляя черкесов спокойно владеть собственностью, управляться своими обычаями, поклоняться богу по своей вере – словом, уважая быт и права горских народов, мы берем их под свое покровительство и защиту: такова благодетельная цель правительства; но она встречает многие препятствия в исполнении. Первое из этих препятствий – различие веры, нравов и понятий; мы не понимаем этих людей, и они нас не понимают в самых лучших намерениях наших. Второе – при всех добрых намерениях, мы здесь должны нередко доверять ближайшее влияние на них таким людям, которые думают только о своем обогащении, грабят их, подкупают руку сына против отца, жены против мужа...

– Право, беда с вами, Александр Петрович! – возразил старик вставая. – Правда ваша, да как решается быть их защитником? [3, с. 131].

Прототипом Александра Пустогородова, которому принадлежат эти слова, является Александр Бестужев, воевавший на правом, западном, фланге Кавказской Линии. Е. Лачинова была с ним близко знакома, а Лермонтов был страстным поклонником творчества Бестужева-Марлинского. Думается, что не будет особой натяжки, если предположить, что в оценке войны и Лермонтов, и Бестужев совпадали.

В книге «Кавказ: земля и кровь» Я. Гордин пишет: «Знаем ли мы хоть малейшие следы мук совести у русских офицеров Лермонтова и Толстого? Нет. Что это означает? Что они были моральными уродами? Сомнительно. Они были людьми военной империи, принадлежали к дворянству – касте, предназначенной для войны, и воспринимали войну как нечто совершенно естественное. Это был бытовой, неидеологизированный слой их существования. И это вполне укладывалось в рамки европейской традиции» [4, с. 337].

И далее, в развитие этой мысли:

«Зияющая лакуна в нашем знании российской жизни, ее психологического аспекта, связанного с шестидесятилетней Кавказской войной, и есть наше незнание о том, как же эта война влияла на общественное сознание? Влияла ли вообще? И если влияла, то какой тип сознания вырабатывался под воздействием этой многолетней резни на границах империи?

Это вопросы огромной важности и болезненности, и, быть может, именно поэтому в нашей исторической науке им, можно сказать, совершенно не уделялось внимание» [4, с. 340].

И еще одна важная цитата:

«Русская армия вела тяжкую для себя и гибельную для горцев войну не для того, чтобы отобрать у них саклю и чурек или посягнуть на их жизненный уклад, – это были трагические издержки разрешения куда более серьезных задач. И для горцев смысл их смертельной борьбы заключался не в защите имущества – они могли сохранить его, покорившись, – а в отстаивании своего миропредставления, вне которого их жизнь во многом теряла смысл, ибо терялось сложившееся веками самопредставление» [4, с. 341].

Между Я. Гординым и Е. Лачиновой полтора столетия. Однако пытаюсь объяснить, чего хотят горцы, что им нужно, они проходят мимо главного: народу мало владеть имуществом, мало жить по своим обычаям и на своей земле. Народ должен обладать этой землей. Только ощущая себя хозяином земли, пусть даже самой маленькой, этнос обладает полноценным, неущербным, самосознанием и самоощущением. Не

миропредставление, не имущество, а право владеть и распоряжаться своей землей отстаивали горцы.

Вопрос о влиянии русско-кавказской войны на общественное самосознание – риторичен. Никаких положительных эмоций к противной стороне человек из войн не выносит, уж тем более – из «закрытых» для общества войн. Война в Афганистане была «закрытой», и что же, как она повлияла? Как и Кавказская, – никак. Несоизмеримы были масштабы воюющих сторон. Что для одной стороны составляло невосполнимые жертвы, для другой стало лишь кровавым опытом.

5

Однако посмотрим на эту войну глазами самого простого русского офицера поручика Н. В. Симановского (1811–1877), чей дневник за 1837–1838 годы в качестве приложения опубликован в упомянутой книге Я. Гордина «Кавказ: земля и кровь».

2 мая (1837 г. – **Дж. К.**). *Посреди невероятных трудностей бывают иногда приятные минуты, самое воспоминание происшедшего доставляет нам уже некоторое удовольствие: я живу теперь в палатке и счастлив уже тем, что не мочит меня дождь, который эту ночь не переставал. Из палатки виднеются Кавказские горы, вершины коих касаются небес, – прелестный вид, но как грустно, как скучно при мысли, что должен остаться здесь еще почти целый год. Бедный Сандершельд очень заболел: у него горячка, он отправился вчера в город Екатеринодар.*

25 июня. *Если в походе мы празднуем рождение государя, что же делается теперь в Петербурге! Сколько радостных лиц можно было видеть на разводе в Петергофе, и сколько людей не спали покойно эту ночь в надежде производства или в надежде прицепить аксельбант!*

8 июля. *Зритель, верно, удивился бы, куда и зачем так близко к цепи и даже за цепь бегут со всех сторон офицеры, какое любопытство влечет их. Я сам бежал, как сумасшедший. Линейный батальон возвращался, и мы бежали навстречу, дабы увидеть черкешенок, одним словом, увидеть женщину, это милое создание, которого мы уже более 2-х месяцев не видели. Мы и не обманулись: на телеге вез-*

ли старика и старуху, отца и мать перебежавшего к нам черкеса, и молодую жену его с ребенком. У ней прелестные глаза, но она не брюнетка – у нее русые волосы, бела и бледна, может быть, от незнания своей будущей участи, но видно также, что она очень изнурена: она очень мила и ей нельзя дать больше 18 лет.

1 сентября. Я был на пароходе в такой чистой комнате, какой уже 6 месяцев не видел, я сидел на диване и пил чай из прекрасных чашек, признаюсь, что здесь это роскошь.

1 октября. Люди партикулярные лишены многих удовольствий против военных. Как приятно было уснуть в теплой комнате и пить чай со сливками! Да, это удовольствие может понять только военный. Пять месяцев мы не знали другого крова, кроме палатки и бивака, а о сливках нечего и говорить, был бы только сухарь, труды же переносили такие, какие редко встречаются, а может быть, и никогда! В европейской кампании! В европейской кампании больше удовольствия, больше жизни, я вижу своего врага, здесь же не видишь, откуда летят пули, лоскутник избирает такое место, откуда его и видеть, и выбить трудно, жизнь каждую минуту в опасности, тогда как в европейской кампании – только при виде неприятеля. В европейской кампании я сражаюсь по роду моей службы, здесь я, кавалерист, ползаю с пехотой по горам; там встречаете деревни, видите людей, здесь – ни того, ни другого. (...) Екатеринодар очень переменялся в свою хорошую сторону: дома и решетки подкрашены, везде заметна чистота, улицы высыпаны песком. Кто был прежде в Екатеринодаре и видит его теперь, тому немудрено догадаться, что ожидают приезду какого-нибудь важного человека.

14 июня (1838 г. – Дж. К.). С каким удовольствием читал я «Библиотеку для чтения!» Книги здесь так же редки, как хорошенькое, свежее личико в Петербурге.

12 июня. Я ходил по саклям, и они мне чрезвычайно понравились, особенно княжеская, в которой Люлье жил 5 лет, в ней чрезвычайная чистота. Она состоит из одной комнаты, как и все сакли вообще, чисто вымазанной глиною внутри, без потолка и пола, печи нет, а сделана внутри комнаты к стене между окном и дверьми труба, расширяющаяся книзу и не достигающая

до земли на 1 аршин, они под нею разводят огонь и готовят кушанье. Места для постели сделаны немного повыше полу, одна дверь и одно окно, очень низкое, закрывающееся деревянными ставнями. Крыша покрыта соломой, под одной крышей сделана также чистенькая конюшня для лошадей. На дворе сделаны два амбара, в коих мы нашли шелковых червей, и два амбара для хлеба. Сад у этого князя прекрасно обработан, у него есть виноград и многие фруктовые деревья, в том числе множество абрикосовых и персика, которые унизаны фруктами. Это огромный аул, состоящий сакль из 50-ти, где живут его крестьяне. Как обвинять их теперь, что они, привыкши к свободе, не хотят с нами примириться и защищают свои прелестные места?

30 июня. Как я рад, что достал «Рассказы и повести» Бестужева-Марлинского, которые хотя несколько раз читал, но теперь с удовольствием перечитываю.

1 июля. Как живо рисуется в моем воображении петергофский праздник! На большой дороге в Стрельне теперь нет проходу, пыль столбом, я обыкновенно на этот день уезжал из лагеря в Стрельну. Петергоф, как магнит, притягивает теперь к себе со всех сторон. Пароход, баркасы, тихвинки и даже для смелых маленькие лодки не имеют недостатка в седоках, извозчикам раздолье, и, верно, вечером в Петербурге не найдешь ни одной кареты. Но и здесь мы тоже прогуливаемся по прелестным горкам, но прелестным для глаз, а не для того, чтобы на них ползать.

13 мая. Какие живописные здесь места! Может быть, со временем они будут составлять лучшую российскую губернию, черкесы принуждены будут скоро с нами помириться, ибо, отрезав им сообщение от Черного моря, у них будет большой недостаток в порохе, который хотя и делают сами, но их порох без примеси другого очень слаб. Воины их также убывают значительно, убыль одного в семействе для них много значит, хлеб и аулы их очень истребляют, угоняют рогатый скот и овец, что составляет их большую промышленность, таким образом многие семейства остаются без куска хлеба. Положение такого рода должно скоро наскучить, несмотря на их воинственный дух [4, с. 389–392].

Дневник Н. В. Симановского особо интересен тем, что он принадлежит человеку лермонтовского поколения, он точно

отражает и круг интересов, и направление мыслей. Кавказская война была для многих офицеров войной «с необразованной толпой» и не могла составить им славы.

6

Но самое главное свидетельство – свидетельство самого Лермонтова. По его письмам легко проследить, как менялось его отношение к военной службе.

М. А. Лопухиной, 15 октября 1832 г.

Не могу представить себе, какое впечатление произведет на вас такая важная новость обо мне: до сих пор я предназначал себя для литературного поприща, принес столько жертв своему неблагодарному кумиру и вдруг становлюсь воином. Быть может, такова особая воля провидения! Быть может, это кратчайший путь, и если он не приведет меня к моей первоначальной цели, то, возможно, приведет к конечной цели всего существующего. Умереть с пулей в груди стоит медленной агонии старца. Поэтому, если начнется война, клянусь вам богом, что везде буду впереди [5, с. 427].

М. А. Лопухиной, 4 августа 1833 г.

Лишь одно меня ободряет – мысль, что через год я офицер! И тогда, тогда... Боже мой! Если бы вы знали, какую жизнь я намерен вести!.. О, это будет чудесно: во-первых, причуды, шалости всякого рода и поэзия, купающаяся в шампанском [5, с. 433].

С. А. Раевскому, декабрь 1837 г.

...Скучно ехать в новый полк, я совсем отвык от фронта и серьезно думаю выйти в отставку [5, с. 451].

П. И. Петрову, 1 февраля 1838 г.

...Меня преследуют все эти милые родственники! Не хотят, чтобы я бросил службу, хотя я уже мог бы это сделать: ведь те господа, которые вместе со мною поступили в гвардию, теперь уже там не служат [5, с. 451].

А. А. Лопухину, сентябрь 1840 г.

У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их до 6 тысяч; и все время дрались штыками. У нас было 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте – кажется, хорошо! – вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью. <...>

Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые не показались бы приторными [5, с. 465].

А. А. Лопухину, 16–26 октября 1840 г.

Не знаю, что будет дальше, а пока судьба меня не очень обижает: я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков – разный сброд, волонтеры, татары и проч., это нечто вроде партизанского отряда, и если мне случится с ним удачно действовать, то авось что-нибудь дадут; я ими только четыре дня в деле командовал и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но так как, вероятно, мы будем еще воевать целую зиму, то я умею их раскусить. <...>

Мне тебе нечего много писать: жизнь наша здесь вне войны однообразна; а описывать экспедиции не велят. Ты видишь, как я покорен законам. Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетель [5, с. 466].

С. Н. Карамзиной, 10 мая 1841 г.

Я только что приехал в Ставрополь, дорогая мадемуазель Софи, и отправляюсь в тот же день в экспедицию с Столыпным Монго. Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это самое лучшее, что только можно мне пожелать.

... признаюсь вам, что я порядком устал от всех этих путешествий, которым, кажется, суждено вечно длиться [5, с. 469].

Е. А. Арсеньевой, 28 июня 1841 г.

То, что вы мне пишете о словах графа Клейн-михеля, я полагаю, еще не значит, что мне откажут отставку, если я подам; он только просто не советует; а чего мне здесь еще ждать?

Вы бы хорошенько спросили только, выпустят ли, если я подам [5, с. 471].

Каких либо нравственных переживаний по поводу справедливости или несправедливости войны – нет, да, собственно, и быть не может. Это был не только взгляд русских офицеров, это было свойство самого времени, века XIX. Замечательно сказал Умберто Эко: «Объединившись и образовав национальное государство, Италия, по примеру прочих европейских стран, завела себе колонии. Воздержимся от моральных оценок. В XIX веке никто не осуждал колонизаторов, существовала настоящая идеология “бремени белого человека” – так выражался Киплинг, так думали почти все» [6, с. 88].

Использованная литература:

1. Дамиан Д. В вашем мире я – прохожий...: Роман. М.: Ком Книга, 2006.
2. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в.: Избранное: в 2 т. / сост. Т. Ш. Биттирова. – Нальчик: Эльбрус, 1996. Т. 2.
3. Хамар-Добанов Е. Прodelки на Кавказе: Роман. Ставрополь: Ставропольск. книжн. изд-во, 1986.
4. Гордин Я. Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Изд-во ж. «Звезда», 2000.
5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Худож. лит., 1958. Т. 4.
6. Эко У. Полный назад: «Горячие войны» и популизм в СМИ. М.: Эксмо, 2007.

M. LERMONTOV AND THE CAUCASIAN WAR

KOSHUBAEV, Dzhambulat – Head, Department of Publishing of Literature in Russian, Everest Publishers, Nalchik, Russia.

E-mail: elbrus_book@mail.ru

The article reviews one of the most critical issues of Lermontovian studies: what could be Lermontov's personal attitude to the Caucasian War? The author analyzes different opinions and appraisals, presents testimonies of participants of the war, shows how Lermontov's attitude to the war had been changing with time.

Keywords: Lermontovian studies, the Caucasian War, national self-consciousness, historical prototype, evolution of views, humanism, moral evaluation.

References:

1. Damian, D. *V vashem mire ya – prokhozhiy...*: Roman. (In your world I'm just a passerby... A novel). Moscow: Kom Kniga, 2006.
2. *Karachaevo-balkarskie deyateli kultury kontsa XIX – nachala XX v.*: Izbrannoe: v 2 t. (The Karachai-Balkar cultural workers of the late 19th – beginning of the 20th centuries) / sost. T. Bittirova. Nalchik: Elbrus, 1996. T. 2.
3. Khamar-Dobanov, Ye. *Prodelki na Kavkaze*: Roman (Tricks in the Caucasus. A novel). Stavropol: Stavropolsk. knizhn. izd-vo, 1986.
4. Gordin, Ya. *Kavkaz: zemlia i krov*: Rossiya v Kavkazskoy voine XIX veka (Caucasus: the land and the blood: Russia in the Caucasian War of the 19th century). St. Petersburg: Izd-vo zh. Zvezda, 2000.
5. Lermontov, M. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* (Collected works: in 4 vols.). Moscow: Khudozh. lit., 1958. T. 4.
6. Eco, U. *Polny nazad: "Goriachie voiny" i populizm v SMI*. (Turning Back the Clock: Hot Wars and Media Populism). Moscow: Exmo, 2007.

А. Х. Мусукаева¹, З. А. Канукова²

ОБРАЗ КАВКАЗСКОГО ГОРЦА В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА (ПОЭМЫ РАННЕГО ПЕРИОДА)

Авторы данной статьи исследуют образ кавказского горца на материале ранних поэм М. Ю. Лермонтова. В изображении природы, обычаев, традиций, психологии, быта, физического облика горцев превалирует романтическое мировосприятие поэта.

Ключевые слова: поэмы раннего периода, кавказский горец, романтические мотивы, художественный этнографизм.

¹ МУСУКАЕВА Анджелла Хамидовна – доктор филологических наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета, г. Нальчик, тел.: 89386927343.

² КАНУКОВА Залина Харзет-Алиевна – магистрант кафедры русской и зарубежной литературы КБГУ, г. Нальчик.